

3 января 2006 Александр Лысков

ПЕСНИ ВЕТРОВЫЕ

Хворостовский как русский певец вырос из свиридовской "Метели", из его вокального цикла на слова Блока, написанного специально для него. Незабываемый вечер 1997 года. Большой зал консерватории. И Хворостовский, тогда еще розовощекий, хотя уже тридцатипятилетний, с сединой еще пегой, только несколько прядей выморожены до искристости — и не пел вовсе в привычном смысле этого слова, а возвещал: " Ты проходишь без улыбки опустившая ресницы"... О Прекрасной даме и одновременно о Богоматери. И слышался в зале скрип извозчичьих саней на Фонтанке, с Лиговки веяло дымом из печных труб, застил глаза голубой, морозный сумрак Санкт-Петербурга не теперешнего, потешного, а того, настоящего в настоящей России, которую Свиридов чудом пронес в своей музыке через весь век и, сходя в гроб, передал Хворостовскому в нотах, словно в некоем чипе, говоря языком новейших технологий. Или в криогенной таблетке, созданной под воздействием сверхвысоких температур и содержащей в себе недельный запас питательных веществ. Бесценный дар певец принял в свое сердце, напоил живой водой голоса и окропил им наши дремлющие души, после чего каждый мог почувствовать себя потомком русича с тысячелетними корнями. Как будто и не было никакого разрыва времен. Голос Хворостовского одновременно звучал и подданным императора, и нам, демократической безотцовщине. Тем более, что стены Консерватории были для двух столетий одни и те же. Слово, ноты, пение сложились в триединство, как "улица, фонарь, аптека". Блок, Свиридов, Хворостовский предстали некоей троицей вокального искусства. Сошлись не за дружеской бутылкой "Шабли" в ресторане за " шлагбаумами", не в советской забегаловке-рюмочной и не в "Макдональдсе", а где-то в четвертом измерении. Томный поэт, мрачноватый композитор, изящный певец смотрят на меня из одной рамки, из одного золотого оклада. Блок — в тумане. Свиридов уже яснее, ближе. Перед глазами. Когда он сам аккомпанировал Архиповой в зале Чайковского, кажется, в восемьдесят первом году. Помню его тяжелые, мясистые руки, которые производили на рояле глубочайшие, сочные созвучия, напоминающие органные. Он чутко подпевал в нижних регистрах с помощью струн — так можно было назвать его аккомпанемент. Он вел себя за роялем как музыкант, который давно избавился от искуса мелодических ухищрений, композиционной изощренности или тончайшего расчета, а который в полной мере овладел главной ценностью — звуком как таковым. В тот год Хворостовскому было еще девятнадцать лет. Он только что поступил в Красноярский институт искусств. Горло у него уже и тогда было зрелое,

поразительный баритон уже вылупился и оперился. Но пройдет долгих пятнадцать лет, прежде чем он споет подаренный ему Свиридовым цикл. И потом еще пять лет до "Военных песен".

Свиридов в годы институтской молодости Хворостовского еще и не замыслил даже блоковского цикла. Юный Хворостовский еще пел "под итальянцев". Но встреча их уже была предрешена, как у Шуберта с Фоглем.

В Красноярске до сих пор в ходу шутка: Красноярск – край культуры. Край – в смысле окраина, отстой, говоря по-нынешнему. Хотя там имелся оперный театр, где впервые прославился юный Дима Хворостовский, легко и естественно вписавшись в сцену, не пав жертвой в борьбе вокальных самолюбий. Хотя над ним посмеивались и за глаза называли "детсадовским артистом". Как ни странно, этот высокий, стройный, красивый и мужественный парень после восьмого класса "свалил" в педучилище. Чуть ли даже не на отделение дошкольного образования. И даже проходил практику с малышами. Если смотреть на вещи всерьез, то необходимо отметить, что только человек с большим, добрым сердцем и совершенно не ущербным сознанием способен возиться с маленькими детьми. Конечно, в какой-то мере поступление в педучилище было вынужденным. Ну зачем парню, в четырнадцать лет по всем параметрам подходящим для артистической деятельности, еще три года вникать в валентности, теплопроводности и иррациональные числа. А в педучилище – хоровое отделение. Пой в свое удовольствие. Тем более, что он уже тогда стопроцентно верил в себя, чувствовал себя дарителем своего голоса, своей души. Так что на физику с химией "забил" бесповоротно и ничуть не смущался такими мелочами, как подначки сверстников.

Закалило его от террора "общественного мнения товарищей", конечно, еще и штучное воспитание в семье. Он – продукт индивидуальной трудовой воспитательной деятельности своего отца Александра Степановича. Они и сейчас со всей разницей в годах очень похожи. Та же фирменная, "хворостовская" седина у отца. Те же выпуклые глаза. Настоящий русский нос и смелый разворот в плечах. Да и голос. Отец, инженер по способу прокормления семьи, в душе – артист. Старинный коллекционер оперной музыки. У него в Красноярске эта музыка "была вся". Он ее как – то умудрялся "доставать". И мог спокойно исполнять большинство популярных партий – сильным, уверенным баритоном. До сих пор, уже в Москве живя, в родном Красноярске он котируется как сильный вокалист, тамошние газеты сожалеют, что он не участвует в местных конкурсах и фестивалях со своими оперными номерами.

И вот такой человек, удачно женившись и заполучив от супруги Людмилы Петровны крепкого, голосистого младенца, замыслил создать из него свое продолжение, второе свое воплощение в следующей жизни в качестве профессионального артиста.

Конечно, перво-наперво в шесть лет усадил ребенка за пианино и, выступая в роли ассистента преподавателя музыкальной школы, прошел с Димой полный курс игры на фортепьяно. А мальчишка еще к лепке прирастал. Лепил из глины и пластилина коней, табуны мустангов. И такое сильное впечатление производили эти фигурки на Александра Степановича, что он однажды, когда пришло время решать, по какому пути двигать парня после восьмого класса,

наступил на горло собственной оперно-педагогической песне и отнес скульптурные опыты сына знакомому художнику. Тот повертел фигурки, покашлял, подумал и спросил: а чем-нибудь еще занимается парень, кроме лепки? Ну, на пианино играет. Вот, сказал художник, пускай он лучше играет на пианино. Последние сомнения испарились. Вперед, в педучилище! И далее — в институт искусств.

Воля отца была всеобъемлющей. Как-то смог инженер-химик, дистанционно, из цеха по телефону воспитывая сына, удержать его в узде. А ведь какие энергии были заложены в парне. Отец же безо всяких жестокостей смирял в нем подростковые и юношеские "закидоны". Никаких пропусков занятий, никакой богемы. Потом это назовут поразительной природной работоспособностью певца. Но на самом деле качество это приобретенное. Есть такая система ППП. Сначала в ход идет Принуждение, потом образуется Привычка, затем развивается Потребность.

Система ППП на фоне с утра до ночи звучащей в красноярском доме Хворостовских оперной классики в ее лучших образцах. Система ППП плюс внушение: пение может быть только оперным. Все остальное — попса, полный отстой.

Из интервью Д.Хворостовского и А.Хворостовского:

— В первые годы я вообще даже романсов не пел. Не то чтобы песен. Никогда не думал, что спою "Военные песни". Или свиридовский цикл. Нам казалось, это не те высоты — так ведь, папа?

— Нет, но были же у тебя малеровские "Песни старого подмастерья".

— Ну, это самое первое мое появление на публике. Проба. А потом — только золотой фонд...

Как в сибирской провинции, в трех днях езды от Москвы выращивается мировая оперная звезда — этого до конца все-таки понять невозможно. Скорее всего, по тем же законам, что действовали и во времена Ломоносова. Природа-матушка, русский мир напитывают чью-то одну душу силой необычайной красоты на радость всем остальным.

И на зависть, конечно, — определенному слою, который называется в одном случае коллегами, в другом — товарищами по искусству.

Эти люди, вполне по заслугам занявшие в столице ключевые места, очень ревностно относятся к молодым, даровитым провинциалам. Не отдают им должное, не уступают без боя посты и роли. Замалчивают их имена. Обозначают для новичка момент истины как необходимость длительной, упорной борьбы за свое я. Многие принимают правила этой игры и начинают в Москве с нуля. Но Хворостовский, отпев сезон в Красноярской опере, приехал в Москву и победил на конкурсе имени Глинки. То есть фактически получил звание лучшего певца страны. Тут бы к нему должны были подойти администраторы Большого театра, Мариинки и, вежливо поклонившись, предложить работу. Ничего подобного не произошло. Дали Диплом, кубок, выразили дежурное восхищение и растворились. Мол, куда он денется.

Не заметили они, что ли, во взгляде этого молодого провинциала дерзость необыкновенную, русскую сдержанную лихость в движениях, искру удалой насмешки в глазах. Вообще — свободного человека. Именно в силу своей

независимости в тот же год наш добрый молодец поехал на конкурс во французский город Тулуза и там спел победно. А еще через год на конкурсе Би-би-си получил звание "Лучший певец Мира".

Из интервью Д. Хворостовского.

— Конкурс был телевизионный. Я отпел, получил награды. Решил остаться на несколько дней в Англии, посмотреть страну. Гуляю по Лондону. В каком-то пабе сижу. И вдруг сосед по столику, англичанин какой-то незнакомый, смотрит так пристально на меня и говорит: "Я вас узнал. Вы на конкурсе победили".

Поздравляет. Мы хорошо так с ним поговорили. Я вышел на улицу и понял, что в самом деле получил, как говорится, широкую известность.

И вот там-то, в Лондоне, к Хворостовскому продюсеры, как и следовало ожидать, пошли вереницей к "Лучшему певцу Мира".

Пригласили почти все ведущие театры Нового и Старого света. Отдельное предложение было от американцев: сделать из Хворостовского, которому тогда было двадцать пять лет, второго Элвиса Пресли.

Из интервью Д.Хворостовского:

— Мне еще лет двадцать нужно работать, чтобы обеспечить семью и свою старость...

Думаю, Хворостовский как мировая поп-звезда даже и затмил бы Элвиса. Уж разбогател бы — наверняка. По крайней мере, в наши дни, когда он давал это интервью, ему бы, сорокалетнему, уже не надо было думать о завтрашнем дне, были бы у него и виллы, и счета в банках на всю оставшуюся жизнь. Но тогда, после переговоров с авторами идеи "Элвис-2", он, по своему обыкновению, позвонил домой Александру Степановичу. Они обсудили идею и пришли к выводу, что она не стоит жизни.

Из интервью Д.Хворостовского и А.Хворостовского:

— Я каждый день звоню папе из Лондона.

— Мы с Димой тесно общаемся.

— Папа мне, как друг и брат. Когда мне было двадцать лет, то друзей было пруд пруди. Двери нашего дома в Красноярске всегда были открыты для всех. Всегда кто-то ночевал у нас. А теперь у меня своя жизнь, у друзей — своя. Остался один папа.

Хворостовский — русский человек за границей. Притом воинствующе русский. Авантюрно-русский. Представьте себе Лос-Анджелес. Кипение индустриального пригорода, суэта Голливуда, праздность Лонг-Бич. Своя, заокеанская жизнь на протяжении двух веков после основания города испанцами. Русского там ноль целых, ноль десятых. И вдруг на этих холмах появляется молодой человек с длинными волосами синтетической белизны, приходит к директору местного оперного театра и втолковывает ему мысль о необходимости устройства здесь большого шоу под названием "Отчалившая Русь". В то время как и на самой-то Руси уже никто, кажется, не жалеет о той, отчалившей, оплаканной Есениным, на стихи которого Свиридов написал вокальный цикл. А Хворостовский взялся Америке спеть про Русь.

Конечно, премьера чисто русского вокального цикла в артистическом сердце Штатов выглядела вызывающе. Кому был брошен вызов? Космополитической художественной элите Лос-Анджелеса, которая, как на манок, должна была

слететься в оперный театр на голос Хворостовского и таким образом заглотишь нашу национальную наживку, просветиться нашей историей, почувствовать ее? Безусловно, одна из мотиваций была именно такой. А другая, думается, отталкивалась от сознания того, что нет пророка в своем отечестве. Есенинской боли от исчезнувшей крестьянской Руси в нынешней Москве мало кто сочувствует. Непопулярен нынче Есенин — ни в песнях своих, ни в своем хулиганстве. Да что там современная Москва! Даже в исконно русских деревнях нынче мало кто представляет, какая была крестьянская Русь еще лет восемьдесят назад, во времена юности Свиридова. Все быльем поросло. Ничто не отзовется той печали. Ужас в том, что как раз голливудская художественная элита отозвалась сильно и выразительно. И не столько экзотичности напевов, сколько самой сути переживаний Есенина—Свиридова—Хворостовского.

Однако на том западная отзывчивость и закончилась, обернувшись вскоре жестким неприятием подобного же эксперимента в Лондоне, где, опять вдалеке от родных берегов, Хворостовский затеял презентовать вокальный цикл "Петербург", о котором я говорил выше. Кажется, замена "в тройке нападения" "мужиковствующего" Есенина на эстетствующего Блока должна была только усилить эффект у лондонской публики. Но произошло обратное. Мировую премьеру цикла скептически описали в лондонских газетах. В то время, как затем — на московской сцене — это дворянско-монархическое творение Свиридова было принято с жаром. Неисповедимы пути искусства.

Певец, артист уровня Хворостовского это, как дипломат. Его проживание и работа за границей — просто часть профессии. Даже скандальный и политизированный Ростропович и тот, хотел он того или нет, являлся полпредом русского искусства на Западе. А Хворостовскому сам Бог велел. Счастлив был Свиридов, у которого на старости лет появился такой министр иностранных дел.

Из интервью Д.Хворостовского:

— Давайте поговорим о чем угодно, только не об опере. Ее в моей жизни и так слишком много.

Не получается. Хворостовский и опера неразделимы. И опять же — русская опера. И снова напряг с ее постановкой на Западе.

В Париже ставили "Евгения Онегина". Режиссер, что называется, выламывался, модернизировал беспредельно. Казалось бы, певцу от этого небольшой урон. Ноты Чайковского никто не переписывал. Но невозможно было существовать на сцене с выхолощенной атмосферой русской дворянской усадьбы, колыбели всей нашей национальной культуры. От репетиции к репетиции атмосфера эта становилась все более чуждой певцу. И он взорвался. Потребовал прекратить перекройку. Силы оказались неравные. Тогда он заявил, что больше на сцену этого театра ни ногой. Лишили человека воздуха — что же еще оставалось делать? Душу свою удушить?

Так случилось, что уговорили потом его спеть концерт на пару с Андре Бочелли. Очень популярным на Западе. Хворостовский попробовал. И отказался: "Не могу работать с непрофессионалом".

И потом до последнего тянул с записью "классической попсы" на фирме "Philips". Контракт, наконец, истек. Он вздохнул свободно. Господь сберег от попсы. А помните мировые туры теноровой троицы Каррераса, Доминго, Паваротти?

Примерно такой же вариант раскрутки и зашибания хорошей деньки предлагался и Хворостовскому. Он не согласился на мировой "чёс". Как водится, позвонил папе, пообщался, и — сказал агентам "нет". Почти в то же время решив петь "что-то из барокко". Совершенно проигрышный в смысле популярности вариант. Вокальные вещи Генделя, Глюка — давно уже музейные экспонаты в мире музыки, интересны единицам меломанов. И техника пения утеряна, кажется, бесповоротно. В те времена считалось, что голос человека на сцене должен звучать, как инструмент оркестра — холодно и отстраненно, одним-единственным тембром. Именно это и заинтересовало Хворостовского. И опять же — ну, порадууй ты своими исканиями тот самый Лондон, где когда-то Гендель и писал свои партии. По крайней мере, больше шансов на понимание. Так нет же. Едет в Москву.

Я попал на тот концерт. Страшновато было за Хворостовского. С его-то сочностью звучания и свободой голосоведения да втискиваться в рамки инструменталистики — это же какое наказание. Первое отделение было заведомо проигрышное в смысле ответного жара публики. Он всех тогда просто озадачил. Но зато теперь, спустя год, в памяти остался именно резковатый голос певца в партии Ксеркса. Какой-то древне-римский. Античный. И еще, конечно, помнится от того концерта — финал, должно быть, по контрасту. На бис он пел "Ах ты, ноченька". И сразу стал тогда родным, своим парнем в деревне. Не спел, а выговорил душой — безо всякой вокальщины-музыкальщины. Такое создавалось впечатление, будто всё то, что он озвучивал в "Ноченьке", как бы и не состояло из звуковых высот, длительностей, интервалов, а было просто и величественно, наподобие перемещения воздушных масс или увеличения освещенности окружающего пространства в час восхода.

Такое пение дается свыше. Наверное, каждый в какой-то миг своей жизни чувствовал сильные и простые звучания вечности в своей душе. Только воспроизвести их не мог.

Помнится, будучи бас-гитаристом в студенческой бит-группе, я посреди гастролей летом привернул на родину. Шел с автобусной остановки через поля и перелески до деревни. И на полевой дороге вдруг зазвучал во мне божественный женский голос на мотив, который называется русским. И до того я много слышал русских песен в живом исполнении деревенских баб на колхозных праздниках, на покосах. Но они были частью быта. А тут звучало то же самое, может быть, но с поразительной красотой. Недолго, но сильно и отчетливо. Кажется, именно в тот день открылся во мне другой человек. Уже осенью я бросил бас-гитару, в буквальном смысле, посреди одного из вечеров в Доме офицеров. Так вдруг "обрыдла" попса. Теперь она осталась во мне как воспоминание молодости. А душу волнует совсем другое, открывшееся тем знойным летним днем на луговом просторе. И что может воспроизвести только такой певец, как Хворостовский. Из интервью с Д.Хворостовским:

— Я с трех-пяти лет слушал пластинки Шаляпина, Неждановой, Карузо, Марио Ланца, Лисициана. И всегда пытался держаться этой высоты.

Он боялся песен. Конечно, в сравнении с оперной партией, песня — жанр низкий. Куплет-припев. Но оказывается, этот низкий жанр только потому низок, что низко исполняется. Чем больше певец, тем выше жанр. Любой. И оперный в том числе.

С "Военными песнями" получилось именно так. "Ты меня ждешь. И у детской кровати не спишь..."

Сколько чудных исполнений этих строк довелось слышать. И чувство выражалось в них правдивое, и сердечность глубокая, и личная причастность к военной трагедии открывалась во всей обнаженности. Что может добавить к этому человек рождения шестьдесят второго года, который даже через отца, слишком молодого для фронтовика, не имел возможности прикоснуться к обжигающим годам. Но оказалось, что как раз человек мирного, отдаленного от войны времени может сказать особую правду о нем. Хворостовский спел военные песни как бы спел их Шаляпин, коли бы дал ему Бог принять революцию как факт свершившийся, прожить до нашего времени и остаться в голосе. То есть спел бы, озвучив в этих военных песнях все русское, что было на земле тысячу лет назад, что случилось в двадцатом веке, и что опять-таки кануло в историю. Мне кажется, именно для того Хворостовский и затевал авантюру с исполнением древнего барокко, чтобы "сходить в историю", попробовать подключиться к ее бездонным энергиям и затем, уже на русском материале, нанизать ее на очень простой мотив: "И у детской кровати тайком ты слезу утираешь".

Из интервью Д.Хворостовского:

— Сынишке Максиму полтора года. Дома мы с женой, хотя она и итальянка, говорим только по-русски. Первое слово сынишки было: "Папа". Только вот беда — с ударением на последнем слого. "ПапаА".